

Волчій выводокъ.

«Суждено мнѣ высшей властью»... описывать тебѣ, терпѣливый читатель, не дебри сибирскія, гдѣ, еще мало тронутая человѣкомъ, природа является во всемъ своемъ грозномъ величїи; не далекія южныя степи—и тростники съ ихъ оригинальною жизнью; не берега моря, гдѣ изумрудныя волны моютъ подножія каменныхъ громадъ, отражая въ себѣ инныя небеса. Въмѣсто всего этого, яркаго и интереснаго, передъ тобой рисуется другая, блѣдная, картина: печальное подмосковье, съ его ровнымъ, однообразнымъ горизонтомъ, съ его хмурымъ сѣрымъ небомъ, съ его ничтожными холмами и рѣчками,—съ его природою, исковерканною на всякомъ шагу и на всѣ лады дерзновенною людскою рукою. Въмѣсто грозныхъ владыкъ сѣвера и юга—мохнатаго мишки и страшной полосатой кошки, вмѣсто царственнаго орла и аристократа-красавца фазана, ты видишь зайца, дрозда, пигалицу... Въмѣсто Мантыковъ и Жераровъ, передъ тобой, карикатурной группой, проходятъ стрѣлки-дилеттанты и мужички-браконьеры... Прости меня за это, читатель-охотникъ, и не осуди! Мнѣ самому хотѣлось бы видѣть другое, «улетѣть» куда-либо далеко, далеко, на полные просторъ и волю; вырваться изъ этого заколдованнаго столичнаго круга, гдѣ, угнетенная человѣкомъ природа, угнетаетъ самого человѣка. Хотѣлось бы, да... крылья связаны. «Но мимо, мимо! зачѣмъ говорить объ этомъ»...

Чѣмъ замѣчателенъ городъ К.? Развѣ только тѣмъ, что его проклялъ (какъ гласить старинная городская легенда) преподобный Сергій и именно вотъ за что: когда преподобный отыскивалъ мѣсто для своего пустынножительства, взоръ его остановился на удобной и живописной лѣсной мѣстности на берегу рѣки С., близъ небольшого села (нынѣ К.). Преподобный обратился къ жителямъ села съ просьбою о позволеніи поселиться въ облюбованномъ имъ мѣстечкѣ, въ ихъ владѣніи;

тѣ же не только отказали, но, во время отдыха преподобнаго, украли у него рукавички. Тогда преподобный, обращаясь къ селенію, сказалъ: «какимъ есть ты теперь, такимъ и будешь на вѣки вѣчные; ничего не отыметъ отъ тебя, но ничего и не прибавится тебѣ!» И, дѣйствительно, много лѣтъ прошло съ того времени... село, волею императрицы Екатерины II, превратилось въ городъ, но К. не растетъ, не улучшается и, хотя въ немъ есть каменные присутственные зданія, но въ остальномъ онъ и сейчасъ нѣ больше, ни меньше, какъ грязное, бѣдное село... Впрочемъ, городъ примѣчателенъ еще тѣмъ, что въ немъ много охотниковъ и рыболововъ, хотя и стрѣлять и удить въ окрестностяхъ города нечего.—Изъ охотниковъ мы возьмемъ двухъ, болѣе оригинальныхъ. Одинъ изъ нихъ замѣчательнѣе тѣмъ, что единственный изъ всего уѣзда имѣетъ борзыхъ, пару,—остатки когда-то «славной стаи» Ф—ой. Онъ имѣетъ также гончихъ, ружья, лошадей и всѣ вообще принадлежности какъ псовой, такъ и ружейной охоты, и даже до-ѣзжачаго, исполняющаго равно обязанности дворника, жучера и сотскаго при полицейскомъ управленіи, гдѣ хозяинъ служить секретаремъ. Немудро въ этотъ, имѣющій очень мало свободнаго отъ службы времени, ѣздитъ на охоту урывками и почти никогда ничего не застрѣливаетъ и не затравливаетъ. Другой же охотникъ замѣчательнѣе тѣмъ, что не держитъ никакихъ собакъ—изъ-за того, что ихъ придется учить-бить, а на это дѣло рука не подымется; убить лишнюю пару птицъ считаетъ за преступленіе; служить судебнымъ приставомъ, что не мѣшаетъ ему писать въ журналахъ и быть въ душѣ поэтомъ. «Что вы охотникъ—я понимаю: чѣмъ же больше заняться въ уѣздищкѣ; но что вы поэтъ—для меня непостижимо... судебный приставъ и вдругъ поэтъ!.. нѣтъ, не пойму». Такъ говорилъ приставу одинъ столичный житель, выдавшій его фамилію подъ сентиментальными стишками въ печати. Первый охотникъ былъ среднихъ лѣтъ, съ окладистой бородой; второй—юный, съ одними усами. Одного звали Игнатіемъ Захаровичемъ Веселовскимъ, другого Владиміромъ Павловичемъ Савинковымъ.

— Не хотите-ли, батенька, со мной завтра на волковъ отправиться? предложилъ разъ секретарь приставу, встрѣтившись съ нимъ на лѣстницѣ присутственныхъ мѣстъ.—Цѣлый выводокъ; говорятъ, овецъ таскаютъ—страсть! меня давно мужики просили пріѣхать.

— Съ большою охотою, сказалъ, покраснѣвшій отъ удовольствія, приставъ; но только я никогда не охотился на волковъ, я не знаю...

— Пустяки!.. зарядите оба ствола картечью и приходите ко мнѣ завтра пораньше, часа въ три.

— Merci, непременно приду.

На другой день, въ то раннее утреннее время, когда еще холоденъ красный востокъ, влажный туманъ легкой дымкой окутываетъ окрестность, когда тихъ еще спящій городъ и только галки, шумной толпой, спѣшатъ попить на свободѣ, на пустыхъ еще, грязныхъ площадяхъ и дворахъ, — Савинковъ пробирался къ Веселовскому. Послѣдній обиталъ въ небольшой улицѣ, живописными рывтинами спускавшейся прямо въ рѣку. Когда приставъ отворилъ калитку уютнаго деревяннаго домика и взошелъ на чистый, усыпанный пескомъ и гладко утрамбованный, окруженный, также уютными и чистенькими, службами, — на него пахнуло такимъ сильнымъ ароматомъ розановъ, что онъ восторженно остановился, съ недоумѣніемъ обнюхивая воздухъ. Недоумѣніе скоро выяснилось: большая часть двора была занята палисадникомъ, состоящимъ изъ сплошныхъ кустовъ шиповника въ полномъ цвѣтѣ, а потому розовыхъ, благоухающихъ... Въ садикъ выходилъ балконъ, до половины прикрытый полосатыми тиковыми шторами; на балконѣ, на маленькомъ, комфортабельно сервированномъ, столикѣ, стоялъ самоваръ, громко шипя и выпуская на утренній холодокъ клубы пара. Въ углу двора, къ сколоченной изъ досокъ закутѣ были поставлены бѣговья дрожки, отъ пыли прикрытыя дерюжкой; въ закутѣ слышались временемъ визгъ и рычаніе собакъ; въ маленькое окошечко внизу двери просовывалась то черная съ подпалинами голова гончей, то острая мордочка бѣлой борзой. Сентименталистъ-приставъ совсѣмъ умилился душой и съ восторгомъ любовался мирной, «хозяйственной жизнью»... «Да что ему: царствуетъ», припомнились ему слова, посылаемыя по адресу Веселовскаго нѣкоторыми людьми, болѣе завистливыми и менѣе хозяйственными... Между тѣмъ на балконѣ появился самъ хозяинъ, въ утреннемъ ватномъ халатѣ, съ краснымъ, опухшимъ отъ сна, но вымытымъ лицомъ и гладко причесанной головой; онъ радушно привѣтствовалъ гостя, усадилъ его за столъ и налилъ ему чаю съ густыми топленными сливками. Затѣмъ появилась на балконѣ подруга жизни секретаря, Маргарита Ивановна, полная пожилая француженка, съ замѣчательно маленькими ногами и руками и замѣчательно высокою грудью; она принесла кофейникъ и заставила гостя выпить стаканъ кофе.

— Я ужъ вамъ, Маргарита Ивановна, поручаю угощать Владиміра Павлыча.. онъ вѣдь церемонный, а самъ пойду соберусь, сказалъ секретарь, и удалился.

Пока Савинковъ благодушествовалъ съ французенкой за чаемъ, на дворѣ появился заспанный длинноусый субъектъ, въ бѣлой фуражкѣ и короткомъ армячкѣ; съ мѣднымъ рогомъ за спиной и плеткой за поясомъ; онъ прикрикнулъ на взывшихъ при его приходѣ въ закутѣ собакъ и отправился въ конюшню, откуда вывелъ рыжую лошадку и началъ запрягать ее въ дрожки. Къ нему присоединился, помогать и распоряжаться сборами, самъ хозяинъ, уже облачившійся въ полный охотничій костюмъ. Запрягли лошадь, поправили покачнувшійся скворешникъ, въ палисадникъ поставили скамейку и наломали Маргаритѣ Ивановнѣ розановъ для комнатнаго букета; потомъ стали выводить собакъ: взяли три смычка гончихъ; ихъ было всего четыре, но одинъ оставили: выжловку, по случаю пустовки, и выжлеца—ей для компаніи. Борзыхъ не брали; онѣ жалобно выли; одна какъ-то умудрилась вырваться изъ закута и ее насилу поймали. Наконецъ все уладилось: длинноусому субъекту вручили гончихъ; онъ взялъ ихъ на сворку и пошелъ впередъ, на указанное Веселовскимъ мѣсто. Шесть, бѣсившихся отъ радости, псовъ таскали вожатаго изъ стороны въ сторону и замедляли ходъбу; тѣмъ не менѣе его сѣрая спина, съ болтающимся мѣднымъ рогомъ, скоро исчезла изъ глазъ. Тогда хозяинъ отправился опять на балконъ къ Маргаритѣ Ивановнѣ и Владиміру Павловичу, выпить съ ними, послѣ трудовъ, стаканъ кофе. Бѣхатъ годили, чтобы не обогнать собакъ и не дожидаться ихъ въ лѣсу. Всѣ были очень веселы: французенка ужасно кокетничала; лицо секретаря дышало тѣми неопѣненными надеждой и энергіей, украшающими всякаго страстного охотника, отправляющагося на охоту; приставъ-поэтъ все продолжалъ умиляться душой на окружающую, полную мирной деревенской прелести, обстановку жизни Веселовскаго. «Во-истину царствуетъ», неразъ мысленно повторялъ онъ.

Солнышко не только появилось и засіяло во всей красѣ, но и порядкомъ погорячѣло, когда черезъ начавшій пробуждаться городъ пронеслись дребезжащія бѣговыя дрожки, влекомыя рыженькой лошадкой и увозившія двухъ знаменитыхъ К—хъ немродовъ на охоту за волками. Я помянулъ, что шиповникъ былъ въ полномъ цвѣту, поэтому читатель догадывается какое это было время года... Продребезжавъ каменной мостовой, дрожки вдругъ смолкли и мягко покатили загороднымъ проселкомъ. Веселовскій правилъ возжами; Савинковъ сидѣлъ сзади его верхомъ на подушкѣ; длинные ноги его доставали землю и задѣвали сапогами за бугорки. По бокамъ дороги шли луга, сплошь осыпанные разноцвѣтными цвѣтами, съ сверкающими на нихъ каплями росы; надъ ними шныряли

въ вѣдущихъ ласточкахъ, гоняясь за желтыми, бѣлыми, черными и другихъ красокъ бабочками и стрекозами; въ слегка затуманенной кудреватыми облачками синевѣ неба, едва шевеля крыльями, плывъ коршунъ; изъ сочной травы безпрестанно вылетали сѣренкіе жаворонки и, столбикомъ, подымались кверху, все выше и выше, пропадая совсѣмъ въ области паренія ястреба; они пропадали, но было слышно ихъ пѣніе: точно изъ какого далекаго, невѣдомаго и прекраснаго міра доносились звонъ серебряныхъ колокольчиковъ, дрожанье струнъ арфы... Было хорошо, какъ только можетъ быть хорошо под Москвой въ началѣ іюня, въ хорошую, установившуюся погоду... Лошаденка отмахивалась хвостомъ отъ, тучей насѣдавшихъ на нее, комаровъ, мотала головой и быстро спѣшила впередъ; передній сѣдокъ лихо вытягивалъ впередъ руки съ ременными возжами, ударяя ими слегка лошадь по крупу; все лицо его дышало полнымъ восторгомъ; задній сѣдокъ устремилъ впередъ неподвижный взоръ и былъ угрюмъ. Почему же былъ угрюмъ приставъ-поэтъ? А потому и былъ угрюмъ приставъ, что былъ поэтъ. «Вѣдь вотъ какъ все хорошио кругомъ, думалъ онъ: точно вижу я особый хорошій край, гдѣ нѣтъ ни описей, ни продажъ, ни душной судебной залы, гдѣ часто братъ идетъ на брата; нѣтъ городскихъ сплетенъ и интригъ и всей чеховѣческой гадости... и точно стою я около самыхъ дверей того хорошаго края и не могу войти въ него и что пройдетъ три—четыре часа—и я опять тамъ, въ городѣ; опять черный занавѣсъ опустится, скрывъ милый, радостный край»...

— О чемъ вы думаете, Игнатій Захарычъ? спросилъ Саванковъ изъ любопытства и чтобы отогнать свои печальныя думы и сравненія.

— Да вотъ, батенька, думаю какъ запустить гончихъ: отъ дороги сейчасъ или заѣхать кругомъ и съ той стороны идти... А вонъ и Егоръ!..

Веселовскій указалъ пальцемъ на, далеко виднѣвшійся впереди, бѣлый картузь. Скоро охотники догнали сотскаго-выжлятника и вмѣстѣ съ нимъ поворотили съ дороги къ большому, поросшему лѣсомъ, болоту. Въ этомъ-то болотѣ и указывали мужики волчье гнѣздо. На допросъ Веселовскимъ появившагося на дорогѣ пастуха о томъ, продолжаютъ-ли волки «чудить», тотъ отвѣчалъ:

— Онамеднисъ пару, да сегодня ягненка... а всѣхъ-то во-семь штукъ ужъ зарѣзали... Бяда: пасти нельзя...

«Славу Богу!» чуть не вскрикнулъ въ порывѣ охотничьяго восторга Веселовскій: «значить выводокъ цѣль—тутъ». Но онъ сдѣлалъ передъ пастухомъ серьезное лицо и сказалъ:

— Ладно! мы имъ спуску не дадимъ... Не такъ-ли Владиміръ Павловичъ?

Приставъ только покраснѣлъ и улыбнулся.

Взявъ у бѣлаго картуза собакъ и сдавъ ему на руки лошадь, охотники, разомкнувъ гончихъ, отправились въ лѣсъ крайкомъ болота. Было еще очень сыро, и штаны, а равно и фалды казакиновъ у охотниковъ, сдѣлались — хоть выжми. Среди общаго птичьяго хора выдѣлялись заунывные: воркованье вяхиря и свистъ иволги. Пахло смолкой и прѣлымъ хворостомъ. Веселовскій хлопалъ арапникомъ, улюлюкалъ, свисталъ и всячески подбодрялъ собакъ, временами голая товарищу.

— Отчего вы не кричите собакамъ? спросилъ онъ Савинкова, столкнувшись съ нимъ на лѣсной полянкѣ.

— Я не умѣю свистать да у меня и голосу не хватитъ.

Приставъ вралъ: онъ просто робѣлъ. Секретарь пристально посмотрѣлъ на него и неудержимо расхохотался.

— Чему вы радуетесь? спросилъ съ досадою, совсѣмъ переконфузившійся, приставъ.

— Да какъ-же, батенька, вы въ пенсне, а я до сихъ поръ и не обратилъ вниманія, ха, ха, ха...

— Что же васъ удивляетъ? я близорукъ, вы вѣдь знаете...

— Да пенсне-то, помидуйте, пенсне... Вѣдь это не на Тверскомъ бульварѣ, ха, ха, ха... Неужели у васъ очковы нѣтъ?

— Стало быть нѣтъ...

Пять гончихъ, мокрая, поджарая съ высунутыми языками, также вышли на полянку и, увидавъ охотниковъ мирно стоящими на одномъ мѣстѣ, прекратили поиски, легли на землю, стали валяться и потомъ облизываться. Не было только Будилы; Веселовскій свисталъ ему и хотѣлъ уже дать въ рогъ, какъ гдѣ-то въ лѣсу глухо пронесся баритонъ стараго выжлеца. Гончія вскочили и наострили уши, потомъ со всѣхъ ногъ бросились на голосъ товарища. Веселовскій, съ легкостью мальчика, бросился вслѣдъ за собаками. Савинковъ поправилъ пенсне на носу, придержалъ рукой сильно прыгающее въ груди сердце и тоже двинулся на, теперь соединившійся, хоръ гончихъ.

Собачій концертъ, наполнившій ревущими и стонущими звуками болото, скоро сталъ дѣлаться все глуше и глуше и совсѣмъ смолкъ. Запыхавшійся Савинковъ остановился. «На утекъ пошелъ», подумалъ онъ про предполагаемаго волка и сталъ внимательно прислушиваться: не раздастся-ли гдѣ вновь голосъ гончихъ. Но кругомъ было тихо, только продолжалъ хныкать на сосѣдней густой елкѣ витютень, какъ приставу

казалось, ясно выговаривавшій: ви-тю-тинъ туууть, ви-тю-тинъ тууууть, тууууть, тууууть... Вдругъ Савинковъ вдрогнулъ и схватился за ружье... Недалеко отъ него пробиралась дѣсомъ волчица, очень большая, страшно-худая, съ облѣзлой, шершавой шерстью; за ней, неуклюже ковыляя, отставая и слабо взвизгивая, тащились крошечные, кругленькіе, толстенькіе, прехорошенькіе щенята. Она видимо была слишкомъ взволнована, такъ какъ не замѣчала Савинкова и очень близко подошла къ нему; замѣтивъ же его, она было бросилась бѣжать, но щенята отстали; тогда она сѣла поджидать дѣтей, обративъ морду къ охотнику и не спуская съ него горячихъ, воспаленныхъ глазъ. Глаза эти говорили приставу-поэту «я жизнь отдамъ за своихъ крошекъ». Савинковъ приподнялъ ружье, прицѣлился и сдѣлалъ шагъ впередъ... Въ этотъ моментъ откуда-то выдвинувшійся цѣпкій древесный сучекъ задѣлъ за шнурокъ отъ пенсне и сорвалъ его съ носа озадаченнаго охотника. Волчица была очень близко, но Савинковъ уже не могъ ее видѣть. Пенсне свалилось на землю, въ мохъ и брусничникъ. Растерявшійся охотникъ дрожащими руками принялся ощупывать подъ собой почву и съ трудомъ нашелъ потерю. Когда загрязненное пенсне было протерто платкомъ и снова водворено на своемъ мѣстѣ: на переносѣ стрѣлка, — волчица съ волчатами пропала. Савинкову было и досадно, и вмѣстѣ съ тѣмъ радостно; досадно ему было, или, скорѣе, конфузно, за свою смѣшную роль въ только-что разыгравшейся сценѣ; радовался же онъ случаю, помѣшавшему ему убить мать, защищавшую дѣтей. Онъ спустилъ курки, приставилъ ружье къ дереву и сталъ связывать разорванный шнурокъ отъ пенсне...

— Гопъ-гопъ! гопъ-гопъ!.. откуда-то доносился голосъ Веселовскаго.

Савинковъ отвѣтилъ и въ скоромъ времени увидалъ передъ собой запыхавшуюся, взволнованную, до послѣдней степени набитую энергіей, фигуру секретаря.

— Старикъ удралъ... отвести что-ли, подлецъ, хотѣлъ... говорилъ тотъ, отирая потъ съ лица и закуривая папиросу.

Савинковъ умолчалъ о своемъ приключеніи. Веселовскій свывалъ собакъ; онѣ прибѣгали, но, наткнувшись на слѣдъ волчьяго семейства, сейчасъ-же уходили въ болото. Черезъ нѣсколько минутъ послышался... нѣтъ, не гонъ, а что-то дикое, страшное: тутъ были: визгъ, рычанья, придушаемый ревъ... Веселовскій бросился къ собакамъ и Савинковъ услышалъ скоро его дублетный выстрѣлъ и затѣмъ еще болѣе ожесточенную грызню гончихъ. Когда приставъ подошелъ къ мѣсту свалки, шумъ возни почти кончился и передъ нимъ была такая кар-

тина: окруженный собаками, стоялъ Веселовскій, махая плеткой и крича: отрыщ! отрыщ! Около него лежала убитая волчица, прикусивъ языкъ, съ котораго стекала и запекалась на землѣ черная кровь, и широко раскрытыми глазами, теперь холодными и стеклянными, но все еще говорящими; они говорили, впрочемъ, приставу всего два слова: «все кончено». На обтѣзломъ ребристомъ боку матери покоились, положенные Веселовскимъ, четыре трупа дѣтей. Всю эту кучу тѣлъ защищалъ секретарь отъ разсвирѣпѣвшихъ гончихъ, вырывавшихъ у него изъ рукъ волчатъ и выкусывавшихъ куски кожи изъ волчицы. Пятый щенокъ былъ еще живъ и, волоча задъ, ползъ всторону; приставъ подошелъ къ нему и, чтобы скорѣе прекратить мученія, выстрѣлилъ ему въ упоръ въ голову, сдѣлавъ изъ нея какую-то кашу.

— Зачѣмъ вы испортили его? замѣтилъ Веселовскій: даже взять невозможно.

— А зачѣмъ вамъ?

— Чтобы показать сколько мы истребили будущихъ истребителей овецъ...

Приставъ смолчалъ и отправился за бѣлымъ картузомъ, чтобы онъ помогъ дотащить до лошади убитыхъ звѣрей. Веселовскій умудрился прицѣпить волковъ очень живописно къ передку дрожекъ, на виду. Гончія не выходили изъ лѣсу и секретарь далъ въ рогъ. Пять притекли, но стараго выжлеца Будилы опять не было. Охотники поочереды, надрывая грудь, дули въ мѣдную трубу, но Будило не приходилъ. Веселовскій ужасно беспокоился: Будило былъ его любимецъ и лучший запѣвало. Но все-таки поѣхали домой безъ одной гончей. Проѣхавъ съ версту, Веселовскій передалъ возжи Савинкову, а самъ слѣзъ съ дрожекъ.

— Куда вы? спросилъ приставъ.

— Ландышей нарвать Маргаритѣ Ивановѣ.

Цвѣты были нарваны и вручены Савинкову. Такимъ образомъ охотники—секретарь, имѣя передъ собой волковъ, и приставъ, имѣя передъ собой букетъ ландышей—возвращались въ городъ. Будило, къ неописанной радости Веселовскаго, очутился вдругъ спокойно бѣгущимъ возлѣ дрожекъ; другія же гончія шли свади, на сворѣ у сотскаго. Попадавшіеся имъ по пути лошади ужасно бѣсились, даже на значительномъ разстояніи отъ дрожекъ: должно быть онѣ чуяли сѣрыхъ пріятелей. Одну телѣгу, съ парнемъ и дѣвкой, испуганная лошадь такъ курьезно трепала, свернувъ съ дороги, что охотники долго не удержимо хохотали. Когда они вѣхали въ городъ, прохожіе

съ «любопытствомъ» смотрѣли на убитыхъ звѣрей и съ уваженіемъ на «молодцовъ» охотниковъ.

— Удачно изволили съѣздить? спрашивали нѣкоторые почтенные купцы, подходя къ дрожкамъ и почтительно приподнимая шапки.

— Все гнѣздо раззорили... Теперь ужъ не будутъ, подлецы, скотъ портить, говорилъ, добродушно улыбаясь, Веселовскій, самодовольно разглаживая рукой бороду.

— Кабы не вы, Игнатій Захарычъ, мужичкамъ плохо-было отъ этихъ самыхъ звѣрьевъ...

— Надо же и мужичкамъ помочь, замѣчалъ секретарь: если не мы, кто же имъ, бѣднымъ, поможетъ.

— Текъ-съ, текъ-съ, говорили купцы, почесывая затылокъ...

Волковъ сняли, шкуры заштопали и отдали въ выдѣлку, чтобы затѣмъ онѣ украсили стѣну охотничьяго кабинета секретаря, какъ трофей «побѣды»... Мужички приходили къ нему на поклонъ и благодарили за истребленіе волковъ. Всѣ были довольны. Только сентиментальный приставъ не былъ почему-то доволенъ охотой. Въ его памяти долго не изгладились двѣ картины: одна—интересное волчье семейство и другая—груда измятыхъ, изгрызенныхъ, отвратительныхъ труповъ...

В. Сысоевъ.